

Редьярд Киплинг

Бруггльсмит

Редьярд Киплинг

Индийские рассказы
(сборник)

*Часть сборника
Индийские рассказы (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг Бруггльсмит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611380

Аннотация

«Старший офицер с „Бреслау“ пригласил меня пообедать на корабль, прежде чем он пойдёт в Соутгэмптон за пассажирами. „Бреслау“ стоял за Лондонским мостом. Решётки передних люков были открыты для приёма груза, и вся палуба была завалена якорями, болтами, винтами и цепями. Блек Мак-Фи был занят последним осмотром своих излюбленных машин, а Мак-Фи известен как самый аккуратный из корабельных механиков. Если случайно он заметил тараканью ножку на одном из своих золотников в паровике, весь корабль узнает об этом, и половина команды отрягается для чистки...»

Содержание

Редьярд Жозеф Киплинг

Бруггльсмит

Старший офицер с «Бреслау» пригласил меня пообедать на корабль, прежде чем он пойдёт в Соутгэмптон за пассажирами. «Бреслау» стоял за Лондонским мостом. Решётки передних люков были открыты для приёма груза, и вся палуба была завалена якорями, болтами, винтами и цепями. Блек Мак-Фи был занят последним осмотром своих излюбленных машин, а Мак-Фи известен как самый аккуратный из корабельных механиков. Если случайно он заметил тараканью ножку на одном из своих золотников в паровике, весь корабль узнает об этом, и половина команды отрягается для чистки.

После обеда, который проходил в маленьком уголке пустого салона и на котором присутствовали старший офицер, Мак-Фи и я, Мак-Фи снова спустился в машинное отделение, чтобы присутствовать при чистке медных частей машины. Мы же со старшим офицером поднялись на мостик и курили, наблюдая погрузку, пока я не решил, что мне пора домой. В промежутках между разговором мне казалось, что я слышу из машинного отделения какие-то дикие завывания, к которым присоединялся голос Мак-Фи, певшего о доме и домашних радостях.

– У Мак-Фи сегодня гость – корабельный мастер из Гри-

нока, у которого он был в ученье, – сказал мне старший офицер. – Но я не решился пригласить его пообедать с нами, потому что он...

– Да, я вижу, или, вернее сказать, я слышу, – отвечал я.

Мы поговорили ещё минут пять, но тут Мак-Фи поднялся к нам под руку со своим другом.

– Позвольте мне познакомить вас с этим джентльменом, – сказал он. – Он большой поклонник ваших произведений, – я только что говорил ему о них и о вас.

Мак-Фи никогда не умел сказать ни одного приличного комплимента. Друг же его внезапно уселся на валявшийся на палубе якорь, подтверждая, что Мак-Фи говорит истинную правду. Лично он был убеждён, что весы славы Шекспира сильно покачнулись единственно благодаря мне, и когда старший офицер собрался было возражать ему, он заявил ему, что рано или поздно поколотит старшего офицера, – «как по накладной». – Если бы вы только знали, – сказал он, покачивая головой, – как я рыдал на своей одинокой лавке за чтением «Ярмарки тщеславия», как я горько всхлипывал над нею, в полном очаровании!..

Он пролил несколько слезинок в доказательство правдивости своих слов, а старший офицер засмеялся. Мак-Фи поправил своему другу шляпу, надвинутую несколько набок на самую бровь.

– Это сейчас испарится, – сказал Мак-Фи. – Это просто запах в машинном отделении так действует на него.

– Мне кажется, что и мне пора испариться, – шепнул я старшему офицеру. – Динги¹ готова?

Динги была на нижней палубе, и старший офицер отправился искать какого-нибудь человека, чтобы отвезти меня на берег. Он вернулся с заспанным ласкаром,² хорошо знавшим реку.

– Вы уже отправляетесь? – сказал человек, сидевший на якоре. – Мак-Фи, помогите мне пройти на шкафут. Здесь столько концов, как у кошки о девяти хвостах. Батюшки мои, какое бесчисленное множество динги!

– Вы бы лучше взяли его с собой! – сказал старший офицер. – Мухаммед Джэн, помоги сначала пьяному сахибу, а потом проводи трезвого сахиба к следующему спуску.

Я уже опустил одну ногу на корму динги, но в это время волна прилива приподняла её вверх, и человек, оттолкнув назад ласкара, стремительно бросился ко мне, отвязал кабельтов, и динги медленно поплыла вдоль борта «Бреслау» носом вперёд.

– У нас здесь не будет иноземных народов, – сказал человек. – Я тридцать лет знаю Темзу.

Мне некогда было возражать ему. Нас несло к корме корабля, а я хорошо знал, что её пропеллер наполовину выступал из воды среди перепутавшихся бакенов, низко спущенных клюзов и ошвартовавшихся судов, о которые бились

¹ Нечто в роде парома или большой лодки в Ост-Индии.

² **Ласкар** – матрос-индус.

волны.

– Что мне делать? – крикнул я старшему офицеру.

– Найдите поскорее бот речной полиции и ради Бога постарайтесь как-нибудь отплыть подальше. Гребите веслом. Руль снят и...

Дальнейшего я не слышал. Динги скользнула вперёд, толкнулась о бакен, завертелась на месте и затанцевала, пока я брался за весла. Человек уселся на корме, подперев подбородок руками и посмеиваясь.

– Гребите же, разбойник, – сказал я, – помогите мне вывести динги на середину реки!..

– Я пользуюсь редким случаем созерцать лицо гения. Не мешайте мне думать. Здесь были «Маленькая Барнаби Доррит» и «Тайна холодного друида».³ Я приехал сюда на пароходе, который назывался просто: «Друид», – скверное судёнышко. Все это теперь проплывает мимо меня. Все это плывёт назад. Дружище, вы гребёте, как гений.

Мы натолкнулись на второй бакен, и нас отнесло к корме норвежской баржи, гружённой лесом, – я увидел большие четырехугольные отверстия по обеим сторонам водореза. Затем мы нырнули в пространство между рядами барж и поплыли вдоль них, с трудом протискиваясь вперёд. Утешительно было думать, что после каждого толчка динги снова приходила в равновесие, но положение наше сильно ослож-

³ Перепутанные и искажённые заглавия романов Диккенса: «Крошка Доррит», «Тайна Эдвина Друда», «Холодный дом» и т. д.

нилось, когда она стала протекать. Человек поднял голову, всмотрелся в густой мрак, окружавший нас, и присвистнул.

– Вон там я вижу линейный пароход, он идёт против течения. Держитесь к нему правой стороной и идите прямо на свет, – сказал он.

– Разве я могу где-нибудь и чего-нибудь держаться в этом мраке? Вы сидите на вёслах. Гребите же, дружище, если не хотите потонуть.

Он взялся за весла и нежно проговорил:

– Пьяному человеку ничего не сделается. Оттого-то я и хотел ехать с вами. Не годится вам, старина, быть одному в лодке...

Он направил динги к большому кораблю и обогнул его, и следующие десять минут я наслаждался – решительно наслаждался – зрелищем первоклассной гребли. Мы протискивались среди судов торгового флота Великобритании, как хорёк протискивается в кроличью норку; мы – т. е., вернее, он – весело приветствовали каждое судно, к которому мы приближались, и люди перевешивались через борт и ругали нас. Когда мы выбрались, наконец, в сравнительно спокойное место, он передал мне весла и сказал:

– Если вы будете грести так, как пишете, то я буду уважать вас за все ваши пороки. Вот Лондонский мост. Проезжайте под ним.

Мы въехали в тёмную арку и выбрались с другой стороны её, подгоняемые течением, которое пело победную песнь. У

меня осталось только желание вернуться домой до утра, а в остальном я совершенно примирился с этой прогулкой. На небе мерцали две или три звезды, и, держась посередине реки, мы были вне всякой серьёзной опасности.

Человек громко запел:

Самый красивый клипер, какой только можно найти
Йо-хо! Охо!

Был «Маргарет Ивенс», чёрный, линейный клипер
Сто лет тому назад.

– Напечатайте это в вашей новой книге, которая будет великолепна.

Тут он встал во весь рост на корме и продекламировал:

О! башни Юлия, вечное зло Лондона,
Вскормленное гнусностями и полуночными убийствами,

—

Нежная Темза течёт спокойно, пока я окончу свою песнь,
И вот моя могила такая же маленькая, как моё ложе.

Я тоже поэт и могу чувствовать за других людей.

– Сядьте, – сказал я, – вы перевернёте лодку.

– Эй, я сижу, сижу, как наседка, – он тяжело опустился на место и прибавил, грозя мне пальцем:

Учись, благоразумный, – тщательное самонаблюдение
Есть корень мудрости.

– Как мог человек вашего положения так напиться? Это большой грех, и вы должны на все четыре стороны помолиться Богу за то, что я с вами... Это что за лодка?

Мы уже поднялись далеко по реке, и вдогонку за нами шёл бот, на котором сидело четверо людей, мягкими и равномерными взмахами весел приближавшихся к нам.

– Это речная полиция, – сказал я как можно громче.

– О, эй! Если ваш грех не найдёт вас на суше, то уж, наверное настигнет на море. Они, по-видимому, собираются дать нам выпить?

– Весьма вероятно. Я позову их.

Я крикнул.

– Что вы там делаете? – отвечали с бота.

– Это динги, которая ушла от «Бреслау», потому что кабельтов развязался.

– Это не кабельтов развязался, а его развязал вот этот пьяница, – заорал мой спутник. – Я забрал его с собой в лодку, потому что он не может держаться на твёрдой земле.

Тут он раз двадцать прокричал моё имя, так что я почувствовал, как густой румянец покрывает моё лицо.

– Через десять минут вы будете сидеть под замком, мой друг, – сказал я, – и я сомневаюсь, чтобы вас скоро освободили...

– Шш... молчи, дружище. Они думают, что я ваш дядя.

Он взял весло и принялся брызгать водою в сидевших в

лодке, когда они приблизились к нам.

– Прелестная пара! – сказал полицейский.

– Я буду всем, чем вам угодно, если вы только возьмёте от меня этого беса. Доставьте только нас на ближайшую пристань, и я не причиню вам больше никаких затруднений.

– Какая испорченность, какая испорченность! – завопил человек, опускаясь на самое дно лодки. – Он похож на гибнущего червя, этот человек! И ради какой-то жалкой полкроны – быть захваченным речной полицией в самом расцвете сил!

– Будьте великодушны, гребите! – закричал я. – Человек этот пьян...

Они подвезли нас к отмели, где был пожарный или полицейский пост; трудно было рассмотреть что-нибудь во мраке. Но я хорошо видел, что они относятся ко мне не с большим уважением, чем к моему спутнику. Я ничего не мог объяснить им, потому что я доставал дальний конец кабельтова и чувствовал себя лишённым всякой респектабельности.

Мы вышли из лодки, причём мой товарищ шлёпнулся прямо лицом на землю, а полицейский суровым тоном задал нам несколько вопросов относительно динги. Мой товарищ умыл руки, отрицая всякую ответственность в этом деле. Он был просто старый человек, которого толкнул в украденную лодку этот молодой господин – по всей вероятности, вор, – он же только спас лодку от крушения (это была совершённая правда) и теперь рассчитывал получить за это награду в виде горячего виски с водою. После этого полицейский обратился

ко мне.

По счастью, на мне был вечерний костюм, и я мог показать свою визитную карточку. Но ещё большим счастьем было то, что полицейский знал и «Бреслау», и Мак-Фи. Он обещал мне отослать динги назад при первой возможности и не отказался принять от меня серебряную монету в знак благодарности. Когда все это было улажено, я услышал, как мой товарищ сердито сказал полицейскому:

– Если вы не хотите дать выпить человеку в сухой одежде, то вы должны будете дать что-нибудь утопленнику...

С этими словами он осторожно подошёл к краю отмели и вошёл в воду. Кто-то зацепил багром его за брюки и вытащил обратно на сушу.

– Ну, теперь, – сказал он торжествующим тоном, – по правилам королевского человеколюбивого общества вы должны дать мне горячего виски с водою. Не стесняйтесь перед этим молодцом: это мой племянник и славный малый. Я только не могу взять в толк, зачем ему понадобилось разыгрывать маскарадное представление, точь-в-точь как м-р Теккерей во время бури. О, тщеславие юности! Недаром Мак-Фи говорил мне, что вы тщеславны, как павлин. Теперь-то я это знаю.

– Вы бы лучше дали ему чего-нибудь выпить и посадили бы его куда-нибудь на ночь. Я совершенно не знаю, кто он такой, – с отчаянием сказал я, и, когда человек принялся пить виски, которое ему дали по моей просьбе, я поспешил

ускользнуть от него и убедился, что нахожусь неподалёку от моста.

Я пошёл по направлению к Флит-стрит, рассчитывая взять кэб и ехать домой. Когда чувство первого негодования улеглось, вся нелепость случившегося предстала передо мной с полной отчётливостью, и я принялся громко хохотать посреди опустевшей улицы, к великому смущению полицейского. И чем больше я думал об этом, тем искреннее смеялся, пока моё веселье не было остановлено рукой, опустившейся на моё плечо, и, обернувшись, я увидел его, того, кто должен был, по моим расчётам, находиться в постели при станции речной полиции. Он был весь мокрехонек; промокшая шёлковая шляпа торчала у него на самом затылке, а на плечах у него красовалось обтрёпанное одеяло, по всей вероятности составлявшее собственность государства.

– Треск горящего хвороста под горшком! – торжественно произнёс он. – Молодой человек, вы, вероятно, забыли о грехе праздного смеха? Моё сердце не обмануло меня, почуяв, что вы ушли домой, и вот я явился как раз вовремя, чтобы немножко проводить вас. Они там на реке страшно невежливы. Они не хотели даже слушать меня, когда я говорил о ваших про... извещениях, потому я и ушёл от них. Набросьте на себя одеяло, молодой человек. Оно очень тонкое и холодное.

Я внутренне застонал. Очевидно, провидению угодно было, чтобы я вечно странствовал в обществе позорного друга

Мак-Фи.

– Ступайте прочь, – сказал я, – идите домой, или я отдам вас под стражу!

Он прислонился к фонарному столбу и приложил свой палец к носу – к своему бесстыдному разноцветному клюву.

– Теперь я понимаю, почему Мак-Фи сказал мне, что вы тщеславны, как павлин, а то, что вы толкнули меня в лодку, показывает, что вы пьяны, как филин. Хорошее имя все равно что вкусное жареное мясо. У меня его нет...

Он весело причмокнул губами.

– Да, я это знаю, – сказал я.

– Э, но у вас оно есть. Я теперь понимаю, что говорил Мак-Фи о вашей репутации и о вашей гордости. Молодой человек, если вы отдадите меня под стражу, – я довольно стар и гожусь вам в отцы, – я буду трубить про вас, сколько только хватит голоса; я буду выкрикивать ваше имя до тех пор, пока коровы вернутся домой. Это не шутка – быть моим другом. Если же вы пренебрежёте моей дружбой, то вы должны будете пойти вместе со мной на Вайн-стрит за кражу денег с «Бреслау».

После этого он запел во весь голос:

Утром рано,

Утром на чёрном возу

Мы потащимся на Вайн-стрит рано утром.

Это моё собственное произведение, однако я не горжусь.

Пойдём вместе домой, молодой человек, пойдём вместе домой.

Стоявший поблизости полицейский сообразил, что мы могли бы не стоять на месте, а пройти дальше, и мы пошли вперёд и дошли до здания суда, что возле св. Клементя. Мой компаньон понемногу затих, и его речь, которая до сих пор каким-то чудом была довольно разборчива, – и поразительно, что в его состоянии он ещё мог поддерживать разговор, – стала спотыкаться, запутываться и затемняться. Он попросил меня полюбоваться архитектурой здания суда и любовно опёрся о мою руку. Но тут он заметил полицейского, и, прежде чем я успел оттолкнуть его, бросился, увлекая и меня за собой, к нему, громко напевая:

Каждый представитель власти
Имеет часы и уж конечно цепочку.

И он набросил своё мокрое одеяло на шлем служителя правосудия. Во всякой другой стране в мире для нас представился бы отличный предлог быть застреленными, заколотыми или, по крайней мере, избитыми прикладами, – а это ещё похуже, чем быть застреленным сразу. Но в происшедшей затем свалке я лишний раз убедился, что это была Англия, где полиция для того и существует, чтобы её лупили в своё удовольствие, чтобы на следующее утро покорно выслушать выговор в полицейском участке. Мы все трое сбились в один

мокрый клубок, причём он все время кричал, называя меня по имени, – и это было самое ужасное во всей этой истории – приглашая меня сесть на голову полицейскому и покончить с этим делом. Но мне удалось вывернуться, и я крикнул полицейскому, чтобы он убил человека с одеялом. Разумеется, полицейский отвечал мне на это: «Да вы и сами не лучше его». Тут он пустился догонять меня, и мы, обогнув церковь св. Клементя, побежали по Холиуэлл-стрит, где я попал в объятия другого полицейского. Бегство это продолжалось, вероятно, не более чем полторы минуты, но мне оно показалось таким же бесконечно длинным и утомительным, как если бы я бежал со связанными ногами в кошмарном сне. За эти полторы минуты я успел передумать о тысяче различных вещей; но особенно упорно я думал о великом и богоподобном человеке, который укрывался сто лет тому назад в северной галерее св. Клементя. Я знаю, что он понял бы мои чувства. Я был так занят этими размышлениями, что, когда второй полицейский прижал меня к своей груди и спросил: «Что вы там наделали?», я отвечал ему с изысканной вежливостью: «Сэр, не угодно ли вам прогуляться вместе со мной по Флит-стрит?» – «А мне думается, что вам нужнее будет Боу-стрит», – отвечал он, и на одну минуту мне самому показалось, что это так и есть и что я должен во что бы то ни стало избавиться от этого.

Тут произошла отвратительная сцена, осложнившаяся ещё появлением моего компаньона, который бежал ко мне

со своим одеялом, крича мне и все время называя меня по имени, – что он или выручит меня, или погибнет в борьбе.

– Ударьте его, – взмолился я, – сшибите с него сначала шляпу, а потом я вам все объясню!

Первый полицейский, тот, которого мы поколотили, поднял свой жезл и ударил моего компаньона по голове. Высокий шёлковый цилиндр треснул, и обладатель его повалился на землю, как бревно.

– Ну, теперь вы с ним покончили, – сказал я. – Вы, вероятно, убили его.

Холиуэлл-стрит никогда не спит. Скоро около нас образовалась небольшая группа людей, и кто-то из них, очевидно германского происхождения, крикнул:

– Вы убили человека.

– Я видел, как он его ударил, – вступился другой, – заметьте его номер.

Теперь вся улица была полна любопытных, собравшихся поглазеть на скандал, хотя никто, кроме меня и двух полицейских, не видел, кто и кого ударил. Я сказал громко и весело:

– Этот человек – мой друг. С ним случился припадок. Бобби, не можете ли вы сходить за носилками?

И, понизив голос, я прибавил:

– Вот здесь пять шиллингов; этот человек не трогал вас, вы поняли меня?

– Да, но вы оба с ним старались повалить меня, – сказал

полицейский.

На это трудно было что-нибудь возразить.

– Вы не знаете ли, Демпсей дежурит сегодня на Чаринг Кроссе? – спросил я.

– Что вам за дело до Демпсея?..

– Если Демпсей здесь, – он знает меня. Принесите поскорее носилки, и я доставлю его на Чаринг Кросс.

– Вы пойдёте вместе со мной на Боу-стрит, именно вы, – сказал полицейский.

– Человек умирает, – он лежал на мостовой и стонал, – дайте скорее носилки! – сказал я.

Я знал лучше, чем кто-либо другой, что за церковью св. Клементя есть помещение, где хранятся носилки. По-видимому, у полицейского были и ключи от ящика, где они хранились. Мы извлекли их оттуда, они оказались трехколесной тележкой с верхом, и мы взвалили на них тело человека.

Тело, лежавшее в тележке, имело, ни дать ни взять, вид настоящего трупа.

Полицейские несколько смягчились, увидев неподвижно торчавшие пятки.

– Ну, двинулись, – сказали они, и мне показалось, что они все ещё имеют в виду Боу-стрит.

– Дайте мне хоть три минуты поговорить с Демпсеем, если он дежурный, – сказал я.

– Отлично. Он как раз дежурит сегодня.

Тут я почувствовал, что все кончится хорошо, но прежде

чем мы двинулись в путь, я всунул голову под навес тележки, чтобы убедиться, жив ли человек. Я услышал осторожный шёпот.

– Молодой человек, вы должны мне заплатить за новую шляпу. Они её сломали. И не покидайте меня, молодой человек. Я слишком стар, чтобы идти с моими седыми волосами на Боу-стрит, да ещё по вашей вине. Не покидайте меня, молодой человек.

– Ваше счастье, если вам удастся отделаться меньше чем семью годами арестантских работ, – сказал я полицейскому.

Движимые боязнью, не переусердствовали ли они действительно при исполнении своих обязанностей, двое полицейских оставили меня в покое, и печальная процессия тронулась вперёд по опустевшему Странду. Как только мы повернули на запад от Адельфи, я убедился, что нахожусь в знакомой мне части города, – убедился в этом и полицейский, потому что, когда я с гордым видом – несколько впереди катафалка – проходил мимо другого полицейского, тот сказал мне: «Доброй ночи, сэр!»

– Теперь вы видите сами, – заметил я снисходительным тоном. – Не желал бы я быть на вашем месте. Честное слово, мне было бы очень приятно заставить вас обоих прогуляться на дворе Шотландской тюрьмы.

– Все может быть, если только этот господин ваш друг, – сказал тот полицейский, который нанёс удар и размышлял теперь о последствиях.

– Может быть, вы доставите мне удовольствие – удалитесь и не будете болтать обо всем этом, – сказал я. В это время вдали показалась фигура м-ра Демпсея, констебля, в блестящем клеёнчатом плаще; мне он показался ангелом света. Я уже несколько месяцев был знаком с ним; он был мой друг, которого я очень уважал и с которым мы вели длинные разговоры по утрам. Глупец старается приобрести доверие принцев и министров; но дворцы и кабинеты оставляют его на произвол судьбы. Умный человек старается установить союз между полицией и экипажами, так что его друзья выскакивают навстречу ему из участков и из рядов кэбов.

– Демпсей, – сказал я, – полиция, кажется, опять забастовала. Они поставили на посту около св. Клементя какие-то тёмные личности, которые хотели отправить меня на Боу-стрит по подозрению в убийстве.

– Господи, Боже мой! Сэр! – с негодованием воскликнул Демпсей.

– Скажите им, что я не убийца и не вор. Ведь это же просто срам, что порядочный человек не может прогуляться по набережной без того, чтобы эти негодяи не расправились с ним по-свойски. Один из них употребил все старания, чтобы убить моего друга; и, как видите, я везу его тело домой. Поговорите с ними, Демпсей.

Если бы проступки обоих полицейских были изображены в ещё более искажённом виде, то они все же не имели бы времени хоть что-нибудь возразить на это. Демпсей заговорил

с ними в таком тоне, который способен был внушить страх. Они старались оправдаться, но Демпсей пустился в пламенное восхваление моих добродетелей, какие он мог заметить в часы наших утренних разговоров, при свете газовых рожков.

– И, кроме того, – прибавил он с жаром, – он ведь пишет также в газетах. Не желаете ли вы, чтобы он вас изобразил в газетах, и, может быть, даже в стихах, как он обыкновенно пишет? Оставьте его в покое. Уже несколько месяцев, как мы с ним друзья.

– А как же быть с покойником? – спросил полицейский, который не наносил удара.

– Я сейчас расскажу вам о нем, – медленно проговорил я, и тут я с полной точностью и очень пространно передал трём полицейским все приключения этой ночи, начиная с обеда на «Бреслау» и кончая происшествием около полицейского поста, близ св. Клементя. Я изобразил грешного старого разбойника, лежавшего в тележке, в таких выражениях, что он должен был корчиться на месте, и я думаю, что никогда ещё столичная полиция не находила предлога, чтобы так хохотать, как хохотали эти трое полицейских.

Странд вторила им громким эхо, и нечистые птицы ночи останавливали свой полет и с удивлением прислушивались.

– О, Господи! – сказал, наконец, Демпсей, вытирая мокрые от смеха глаза. – Я дорого бы дал, чтобы посмотреть, как этот старик бежит за вами, размахивая мокрым одеялом! Вы извините меня, сэр, но вы бы должны были каждую ночь

отправляться на прогулку, чтобы доставить нам счастье послушать вас.

И он снова разразился громким смехом.

За этим последовал звон серебряных монет, и два полицейских с поста близ св. Клементя торопливо вернулись на место стоянки, не переставая смеяться по дороге.

– Оставьте его на станции, – сказал Демпсей, – а завтра утром они отошлют тележку обратно.

– Молодой человек, вы называли меня всякими позорными именами, но я слишком стар, чтобы отправиться в госпиталь. Не оставляйте меня, молодой человек. Отвезите меня домой к моей жене, – произнёс голос в тележке.

– О, да ему ещё не так плохо? Ну, и влетит же ему здорово от жены, – заметил Демпсей, который был женат.

– Да, где вы живёте? – спросил я.

– В Бруггльсмите, – был ответ.

– Это что ещё такое? – спросил я Демпсея, который был лучше, чем я, знаком с простонародными названиями улиц.

– Брук Грин Хаммерсмит, – быстро перевёл Демпсей.

– Ну, разумеется, я так и знал, – сказал я, – это как раз такое место, которое он должен был выбрать себе для жилья.

– Вы хотите отвезти его домой, сэр? – спросил Демпсей.

– Я бы с удовольствием отвёз его домой, где бы он ни жил, хоть бы... в раю. Он, по-видимому, не собирается вылезать из этой тележки, пока я здесь. Он способен довести меня до убийства...

– Так связать его ремнём, это будет вернее, – сказал Демпсей, и он очень ловко перевязал два раза ремнём тележку поверх неподвижного тела человека. Бруггльсмит – я не знаю его настоящего имени – спал крепким сном. Он даже улыбался во сне.

– Все в порядке, – сказал Демпсей, а я покатил дальше свою проклятую тележку. Трафальгарский сквер был совершенно пуст, за исключением немногих людей, спавших под открытым небом. Одно из этих жалких существ поднялось и пошло рядом со мной, прося милостыню и уверяя, что и он был когда-то джентльменом.

– Точь-в-точь как я, – сказал я. – Но это было давно. Я дам вам шиллинг, если вы поможете мне толкать эту штуку.

– Он убит? – спросил бродяга, пятясь от меня. – Но ведь я к этому непричастен.

– Нет ещё, но он, может быть, будет убит... мною, – отвечал я.

Человек нырнул в темноту и исчез, а я поспешил дальше через Кокспер-стрит и вверх к цирку Пикадилли, совершенно не зная, что мне делать с моим сокровищем. Весь Лондон спал, и неподвижное тело пьяницы было единственным моим обществом в этой прогулке. Но оно было безмолвно, как сама целомудренная Пикадилли... Когда я проходил мимо красного кирпичного здания клуба, из дверей его вышел знакомый мне молодой человек. В петлице его костюма виднелась увядшая гвоздика, поникшая головкой; он играл в кар-

ты и собирался до рассвета вернуться домой; в это время мы встретились с ним.

– Что вы тут делаете? – спросил он.

Я совершенно уже утратил всякое чувство стыда.

– Это – на пари, – отвечал я. – Помогите мне выиграть его.

– Молодой человек, кто это такой? – раздался голос из-под навеса.

– Господи, Боже мой! – воскликнул мой знакомый, перебегая мостовую. Вероятно, карточная игра подействовала на его нервы. Мои нервы были словно из стали в эту ночь.

– Господи, Господи! – послышался изнутри бесстрастный, равнодушный голос. – Не надо богохульствовать, молодой человек! Он придёт и к вам когда-нибудь в своё время.

Молодой человек с ужасом взглянул на меня.

– Это все входит в пари, – отвечал я. – Помогите мне толкать тележку.

– Ку... куда же вы хотите ехать? – спросил он.

– В Бругтльсмит, – сказал голос в тележке. – Молодой человек, вы знаете мою жену?

– Нет, – сказал я.

– Это хорошо: она ужасная женщина. Молодой человек, я бы хотел выпить. Постучитесь в одну из этих пивных, и за свои труды вы можете поцеловать дев... вушку.

– Лежите смирно, или я принуждён буду заткнуть вам рот, – грубо сказал я.

Молодой человек, с увядшей гвоздикой в петлице, пере-

шёл на другую сторону Пикадилли и кликнул единственный кэб, который был виден издалека. Что он думал при этом, осталось мне неизвестным.

Я же поспешил, катя перед собой тележку, – путешествие казалось мне бесконечным – по направлению к Брук-Грин-Хаммерсмиту. Здесь я думал оставить Бруггльсмита под опекой богов этой печальной местности. Мы провели столько времени вместе, что я не мог решиться покинуть его связанным на улице. Но, кроме того, он бы стал звать меня, а ведь это такой позор, когда ваше имя выкрикивают на рассвете в пустоте лондонских улиц.

Так двигались мы вперёд, прошли мимо Апелей, дошли до кофейни, но в ней не было кофе для Бруггльсмита. Затем я покатил свою тележку с телом Бруггльсмита по величественной Найтсбридж.

– Молодой человек, что вы хотите сделать со мной? – сказал он, когда мы очутились напротив казарм.

– Убить вас, – коротко отвечал я, – или сдать вас на руки вашей жены. Сидите спокойно.

Но он не желал слушаться. Он болтал без умолку, перемешивая в одной и той же фразе чистый диалект с какой-то пьяной неразберихой. На площади Амберта он сказал мне, что я ночной грабитель из Хаттон-Гардена. На Кенсингтон-стрит он заявил, что любит меня, как сына, а когда мои усталые ноги дотащились до Аддисон-Род-Бриджа, он со слезами умолял меня освободить его от ремней и бороться с грехом тще-

славия. Ни один человек не побеспокоил нас. Казалось, что между мной и всем остальным человечеством была воздвигнута перегородка до тех пор, пока я не покончу счётов с Бруггльсмитом. Небо стало проясняться; тёмная деревянная мостовая вдруг окрасилась в багряный цвет вереска; я не сомневался, что до наступления вечера мне будет дозволено отомстить Бруггльсмиту.

В Хаммерсмите небо было свинцово-серое, – начинался пасмурный день. Волны меланхолии после бесполезно проведённой ночи рвали душу Бруггльсмита. Он горько заплакал, потому что вокруг было так холодно и неприятно. Я вошёл в ближайшую харчевню – в вечернем туалете и в ульстере я подошёл к стойке – и дал ему виски с условием, чтобы он не колотил руками о верх тележки. Тут он заплакал ещё горше от того, что я довёл его до кражи денег и сделал его своим соучастником.

Был бледный и туманный день, когда я пришёл к концу своего путешествия и, откинув верх тележки, попросил Бруггльсмита объяснить мне, где он живёт. Его глаза уныло блуждали по рядам серых и красных домов, пока не остановились на вилле, в саду которой висела доска с надписью: «Сдаётся внаём». Казалось, только этого и недоставало, чтобы окончательно сломить его, и вместе с этим исчезло все красноречие его гортанного северного говора: вино все сглаживает.

– Все пропало в одну минуту! – зарыдал он. – Все пропа-

ло. Дом, семья, прекраснейшая семья, и жена моя... Вы не знаете мою жену! Я так недавно оставил их всех. И теперь все продано, все продано. Жена, семья – все продано. Пусть-те меня, я побегу вперёд!

Я осторожно развязал ремни. Бруггльсмит спустился с тележки и, шатаясь, побрёл к дому.

– Что мне делать? – сказал он.

Тут я понял самые низменные глубины замыслов Мефистофеля.

– Позвоните, – сказал я, – она, может быть, на чердаке или в погребе.

– Вы не знаете мою жену. Она спит на софе в спальне, поджидая, когда я вернусь домой. Нет, вы не знаете моей жены.

Он снял свои сапоги, покрыл их своей высокой шляпой и, крадучись, как какой-нибудь краснокожий индеец, стал пробираться по садовой дорожке, тут он ударил сжатым кулаком по звонку с надписью «посетители».

– И звонок продали!.. Продали великолепный звонок!.. Что мне делать?.. Этот звонок не действует, я не могу с ним справиться! – с отчаянием простонал он.

– Да вы тяните его посильнее, тяните хорошенько, – повторил я, украдкой посматривая на дорогу. Время мщения пришло, и я не желал иметь свидетелей.

– Да я уж и так тяну изо всех сил, – он вдохновенно хлопнул себя по лбу. – Да я его вытяну совсем!!

Откинувшись назад, он обеими руками ухватился за ручку звонка и потянул его к себе. В ответ раздался дикий звон из кухни. Поплевав на руки, он возобновил усилия со звонком, в то же время громко призывая жену. Потом, приложив ухо к ручке, он послушал некоторое время, покачал головой, вытащил огромный зелёный с красным платок, обернул им ручку, повернулся спиной к двери и стал тянуть через плечо. Ни платок, ни проволока упорно не желали поддаваться. Но я забыл о звонке. Что-то треснуло в кухне, и Бругльсмит медленно покатился вниз по ступенькам лестницы, мужественно не выпуская из рук рукоятки звонка; три фута проволоки тащилось следом за ним.

– Тяните же, тяните! – выкрикнул я. – Сейчас он зазвонит!

– Отлично, – сказал он, – теперь я сам буду звонить.

Он нагнулся вперёд, натягивая зазвеневшую проволоку и прижимая ручку звонка к своей груди, что вызвало такой страшный трезвон и шум, словно вместе со звонком в кухне оторвалась часть деревянной стенки и фундамента.

– Вы можете её продать! – крикнул я ему, и он стал ещё сильнее тянуть хорошую медную проволоку, оборачивая её вокруг самого себя.

Я вежливо приоткрыл калитку сада, и он вышел из него, плетя себе собственный кокон. Звонок все время торопливо звонил, и проволока тянулась без конца. Он вышел на середину дороги, кружась, как майский жук на булавке, и призывая, как безумный, свою жену и семью. Тут он наткнул-

ся на тележку; звонок внутри дома издал последний отчаянный трезвон и перескочил из дальнего конца дома к дверям передней, где и застрял прочно. Но мой друг Бруггльсмит не последовал его примеру. Он бросился плашмя в тележку, обнял её, и в этот миг тележка перекувырнулась, и они покатались вместе, запутавшись в сетях проволоки, из которой никаким образом невозможно было его освободить.

– Молодой человек, – с трудом выговорил он, задыхаясь, – не могу ли я получить законного лекарства?

– Я пойду и поищу вам его, – сказал я и, отойдя немного, встретил двух полицейских.

Я рассказал им, что восход солнца застал в Брук-Грине грабителя, который пытался унести медную проволоку из пустого дома. Может быть, они позаботятся об этом босоногом воре. Он, по-видимому, находится в затруднительном положении. Я направился к площади и – о, удивление! – в блеске восходящего дня я увидел знакомую мне тележку, перевёрнутую колёсами вверх, и передвигающуюся на двух ногах, колеблясь взад и вперёд в четверти круга, радиусом которого была медная проволока, а центром – основание звонка из пустой квартиры.

Помимо поразительной ловкости, с которой Бруггльсмит удалось прикрепить себя к тележке, констеблей особенно заинтересовало то обстоятельство, каким образом тележка с поста св. Клементя очутилась в Брук-Грин-Хаммерсмите.

Они даже спросили меня, не знаю ли я чего-нибудь об

этом? Не без труда и возни им удалось, наконец, освободить его. Он объяснил им, что оборонялся от нападения грабителя, который продал его дом, жену и семью. Что касается звонка и проволоки, то он уклонился от объяснения, и полицейские, подхватив его под мышки, повлекли за собой.

И хотя ноги его на шесть дюймов возвышались над землёй, он быстро перебирал ими, и я видел, что он воображал себя бегущим, бегущим со страшной скоростью.

Вспоминая об этом случае, я не раз спрашивал себя, – не захочет ли он когда-нибудь разыскать меня?